

КРИТИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Владимир Шапошников

«ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ» И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ

Заканчивая свою «Педагогическую поэму», А. С. Макаренко выражал надежду, что, «может быть, очень скоро у нас перестанут писать «педагогические поэмы» и напишут простую деловую книжку: «Методика коммунистического воспитания».

Пророчество замечательного педагога сбылось лишь наполовину. Книг по методике воспитания — и «простых деловых», и сугубо «ученых», академических — написано уже немало. Но не меньше создано и «педагогических поэм». А. С. Макаренко, быть может, даже сам того не ведая, открыл золотую жилу в нашей литературе, сделав проблемы воспитания предметом художественного исследования. Да иначе не могло и быть. Ведь процесс воспитания столь же бесконечен и неисчерпаем, как и процесс познания, поэтому вполне естественно, что в нашем обществе всегда будут ставиться и разрабатываться новые задачи по воспитанию подрастающего поколения, а следовательно, будут появляться и новые «педагогические поэмы».

Наша литература в последнее время проявляет особый интерес к проблемам воспитания, к жизни школы. Ничего удивительного здесь, конечно, нет, поскольку задачи, стоящие ныне перед педагогической наукой, воистину грандиозны. Переход ко всеобщему среднему образованию, развитие системы профессионально-технического образования, борьба за качество знаний, совершенствование методов обучения с помощью технических средств — таков далеко не полный перечень вопросов, поставленных в «новестку дня» самой жизнью. В свете этих требований производится сейчас существенная перестройка всей системы образования, разрабатываются конкретные меры по укреплению связей школы с жизнью... В све-

те этих требований намечались и любопытные тенденции в художественном освещении проблем воспитания.

«Темное царство» и бледные лучи света в нем

Критиковать школу ныне стало чуть ли не признаком хорошего тона. Ее, бедную, ругают и чествуют все и вся: и те, кто закончил ее, и те, кто по разным причинам не сумел этого сделать, и те, кто сидят за партами, и даже те, кто стоят за учительским столом. Всем, очевидно, памятны многочисленные дискуссии, которые развертывались на страницах периодической печати по поводу преподаваемой литературы, второгодничества, процентомании.

Эта критика нашла отражение и получила полную поддержку на страницах художественной литературы, в тех самых «педагогических поэмах», которые появились в последние годы. Мне думается даже, что именно под воздействием упомянутых дискуссий сложилось своего рода критическое направление в нашей «педагогической прозе», — направление, ставящее главной целью обличение пороков и недостатков школьного образования. Думаю, только этим можно объяснить тот факт, что все чаще стали появляться на страницах «педагогических поэм» фигуры учителей-невежд, учителей-самодуров, которые вместо того, чтобы сеять разумное и доброе, наоборот, душат в молодых сердцах светлое, возвышенное, романтическое.

«Сергей споткнулся, обнаружив радость, что под ногой — кирпич. Добрая половина

ка, соскочившая с проезжего грузовика или подвода.

Директор тем временем приблизился к своему дому. Нужно спешить! Расстояние между ними сокращалось. Сергей уже отчетливо слышал, как директор, разгоряченный ходьбой, жадно всасывает воздух.

Нужно действовать. Он сделает это, когда директор подойдет к своей калитке, будет открывать ее. Тут-то и налетит Сергей».

Захватывающе, не правда ли? Но должен вас разочаровать, дорогой читатель, данный отрывок — не из детективного повествования, и ничего криминального на сей раз не случится: не будет ни смертоубийства, ни членовредительства, ни даже попытки покушения. Не будет по той простой причине, что силы «агрессора» и «жертвы» явно несоизмеримы. Сергей — это шестиклассник, тринадцатилетний пацан, а его противник, директор школы, сорокалетний здоровый мужчина. Однако тут сразу возникает вопрос: чем так досадил директор школы своему ученику, что тот выслеживает его с половинкой в руке? Ведь это настоящее ЧП — довести мальчишку до такого состояния.

Конфликт повести Владимира Муссалитина «В ясном небе» («Урал», 1974, № 2) в двух словах сводится к следующему: столкновение детской романтической мечты с черствостью и жестокостью взрослых.

Жил в небольшом уральском поселке Урицкий мальчик, озорной, непоседливый, но очень честный, искренний, любознательный. Мечтал мальчик стать летчиком. Так страстно мечтал, что, даже сидя на уроке, смотрел не в тетрадь, а за окно, туда, где в ясном небе стремительно пронеслись реактивные самолеты (недалеко от Урицкого находился военный аэродром). И вот однажды во время урока математики, когда Сергей по обыкновению смотрел в окно, на его глазах произошла катастрофа: в землю врезался истребитель, совершавший тренировочный полет. Потрясенный Сергей выскочил из класса и, не обращая внимания на крик учительницы: «Мальцев, вернись!» — помчался к лесу. Сергей хотел первым обнаружить место падения самолета и помочь летчику, который, возможно, еще жив... Однако его благородный порыв в школе истолковали по-иному — как хулиганскую выходку. Учительница математики пожаловалась директору, тот вызвал мать Сергея, и началось...

« — Хватит. Довольно. Забирайте.

Директор решительно встал из-за стола и как-то боком, под углом пересек учительскую, торопливо перебирая пальцами. Такая у него привычка — когда сердится, бегают и шевелит пальцами.

— Сколько можно нынчиться! Все Мальцев да Мальцев. Одного его только и слышно.

— Ах, лиходей! Всю головушку снял! Ты в кого же такой, паршивец? Я тебя этому учу? Отвечай!

Директор становится к ним обоим спиной, усердно протирая платком очки.

— Отвечай, — требует мать, — или оглох?

Мать бьет Сергея по затылку и озирается по сторонам. Но никому нет дела до них. Учителя уткнулись в журналы и тетради.

— Придешь домой — заporю, — обещает мать...».

Я намеренно привожу эти пространные выдержки, чтобы читатель не заподозрил меня в предвзятости, чтобы он воочию убедился, сколь прямолинейно, «лобово» развивается конфликт в повести В. Муссалитина. Преднамеренность выпирает здесь буквально из каждого абзаца, из каждой реплики. Никто не спорит: в жизни такое случается нередко, когда взрослые, из-за своей слепоты и черствости, жестоко травмируют ребячью душу, когда детский розовый мир и житейская «премудрость» старших не находят никаких точек соприкосновения, — и это действительно драма, серьезный нравственный конфликт.

Однако у В. Муссалитина этот конфликт явно «сшит» на заказ, состряпан по расхожей беллетристической рецептуре. Автор из кожи лезет, пытаясь во что бы то ни стало создать пропасть — поглубже и пошире, — где по одну сторону была бы сама детская чистота и непосредственность, а по другую — «взрослая» тупость, черствость и жестокость. Само собой, воплощением этих пороков выступает прежде всего директор школы, человек, как мы уже видели, крайне ограниченный, тупой и безжалостный — этакий солдафон, по недоразумению попавший в педагоги. Под стать директору и учительница математики Анна Ивановна, по прозвищу Алгебра, тоже, извиняюсь, крупная дура и невежда. Недалеко ушла от этих «наставников» и мать Сергея, безграмотная, измученная тяжелой работой женщина, знающая лишь один «метод» воспитания — ремешь и подзагыльник. И ничего нет удивительного, что Сергей не испытывает к своим «наставникам» ни благодарности, ни элементарного уважения; больше того, он уже вынашивает планы, как отомстит за все обиды, когда станет летчиком: «Он будет летать на зависть всем. И никогда, никогда даже не вспомнит ни о матери, ни о директоре, ни о школе. Не напишет им письма, не пришлет фотокарточки».

Но удивительно вот что: стоит только Сергею выйти за пределы школьной оградки, как он сразу будто в другой мир попадает. Посторонние дяди и тети, не имеющие отношения к школе, оказываются один добрее другого, наперебой предлагают мальчику свои услуги, окружают его заботой и вниманием.

«Из леса громко прокричали. Шофер нетерпеливо открыл дверь».

— Обедать зовут. Пошли.

Сергей пробовал отказаться.

— Пошли, — решительно сказал солдат».

« — ...Ну садись, подвезу.

— Я лучше пешком, — заторопился Сергей».

Нетрудно заметить, сколь выгодно отличаются все эти, в сущности, совершенно чужие Сергею люди от его непосредственных наставников. Как видим, и здесь автор следует своему излюбленному приему — антитезе, резко противопоставляя тех, кто в стенах школы, тем, кто вне ее. Только серьезно ли это? И стоит ли доказывать, насколько

такое противопоставление примитивно, неуклюже, а по сути даже неверно.

Впрочем, автор, как будто спохватившись, не слишком ли он переборщил по части «обличения», пытается нарисовать и «светлый» образ педагога. В роли такого светоча у него выступает учитель русского языка Григорий Алексеевич Коняев. Удивительный учитель, которого все ученики боготворили за то, что он «никому не ставил двойок. Призывал только две оценки: «четверку» и «пятерку», которые всегда вписывал в журнал крупно, с нажимом, делая это с большим удовольствием, даже с радостью. Будто бы эта оценка принадлежала ему самому». Только человек этого беспомощен что-либо сделать, как-то помешать извергу-директору творить безобразия: он лежит больной в нетопленной избе и резонерствует: «Знай, Сережа,— говорит он Сергею Мальцеву, единственному, кто догадался навесить больного учителя,— что жизнь постоянно испытывает каждого. И тут важно устоять, не сломаться. Не стать нюней. Человек должен быть крепким, сильным. Тогда ему никакая беда не страшна. У тебя впереди большая жизнь...»

Когда слушаешь эти сентенции, становится ясно, что автор, пожалуй, разумно поступил, «уложив» своего положительного учителя в постель. Если бы Григорий Алексеевич был в полном здравии и ходил на уроки, читатель сразу бы увидел, сколь тускла и схематична эта фигура. А так — он хоть отсутствует по уважительным причинам.

Дух деспотизма царит и в Волшевской школе, где директорствует Леонид Павлович Прохоренко, тоже самодур от педагогики. Правда, в отличие от откровенного вышибалы Федора Петровича, герой повести Семена Ласкина «Абсолютный слух» («Октябрь», 1973, № 10—11) — педагог-подлец, так сказать, новой формации. Внешне это вполне уважаемый мужчина средних лет, модно одетый, с волевым, мужественным лицом. Впрочем, тут сразу надо отметить: создавая образ сугубо «отрицательного» педагога, С. Ласкин, не в пример В. Муссалитину, действует намного искуснее. Он не бросается с места в карьер разоблачать своего Прохоренку, не пытается с первых же страниц вызвать у читателя антипатию к нему. Наоборот, в начале повести Леонид Павлович Прохоренко предстает в самом выгодном свете. Бывший фронтовик, кандидат наук, сменивший теплое «хлебное» место в педвузе на хлопотную должность директора школы,— такой человек, согласитесь, достоин самого горячего участия и глубокого уважения. Плюс к тому Прохоренко выступает на первых страницах повести в роли новатора, человека одержимого, затеявшего во вверенной ему школе смелый педагогический эксперимент. Суть этого эксперимента он вдохновенно излагает сам в беседе с молодой учительницей Марией Николаевной: «Чего добиваемся мы? Детской активности, самостоятельности и, главное, вовлечения максимального числа учащихся в военную игру. Принципы ее старый, как мир,— школьное

самоуправление. Открытия в этом нет, и все же мы называем происходящее волшебским экспериментом. Думаю, и дальше это название будет закреплено в научной литературе... Чтобы разбудить сонное, неактивное, безразличное царство — школу, а именно такой была та, в которую я пришел в прошлом году, нужны дрожжи, то есть сильные, энергичные ребята, заводилы во всех школьных делах. Где же можно было найти таких?.. На улице. Среди тех, кто отлынивает от учебы... Еще весной я обошел детские комнаты милиции, познакомился с большинством подростков, составил список возможных кандидатов на ту важную роль, которую я заранее приготовил одному из них. Я искал среди этих ответов озорников одного-единственного, нужного мне вожака. В любой уличной компании всегда есть вожак. Силой своего организаторского таланта, энергией и скрытым, но в действительности огромным честолюбием такие ребята умудряются подчинить себе всех остальных. Да, я мечтал отнять у нашей улицы «голову», руководителя».

Однако вскоре выясняется: вся эта грандиозная программа, равно как и громкие фразы о возрождении макаренковских традиций,— просто ширма, чистой воды демагогия. Прохоренко нужна «железная» тема для докторской диссертации, своим экспериментом он преследует лишь одну цель — создать вокруг себя шумиху, вызвать «сенсацию» в педагогических кругах. На деле же «эксперимент» Прохоренко выглядит сущей авантюрой, граничащей с преступлением. Приняв к себе в школу целую группу подростков-правонарушителей, Прохоренко сделал из них свою «опору», доверил им посты командиров отрядов, старост классов. Однако бывшие малолетние правонарушители, не будучи морально готовыми к роли вожakov-организаторов, превратили школу в настоящую бурсу, утвердив везде и всюду власть кулака.

«Шукинский штаб находился в физкультурном зале. Дверь оказалась запертой. Я постучала.

Мне не ответили. Тогда я с силой потрясла дверь. И опять — молчание.

— Нет, вы откроете, откроете! — повторяла я, с ожесточением налегая на дверь...

И задвижка шелкает.

Шагаю через порог. Стена. Живая стена. На лицах ребят решимость. Нет, они ни за что не пропустят меня дальше.

И тогда я иду на них. Я наступаю на эту живую стену и прохожу сквозь них.

Они сади. А я в пустом зале. Беспомощно оглядываю брусья, маты, коней — все как обычно. Фаерный лист у стены. Может, там? Шагаю туда и слышю чувствую, какой напряженной становится тишина.

Откидываю лист фанеры и вздрагиваю. Завываю сидит у шведской стенки, прижимается к ней и ошеломленно глядит на меня.

Мы смотрим друг на друга, и я не нахожу, что сказать ему.

— Вставай, вставай! — Протягиваю ему руку. Но он не встает. Он кажется мне каким-то другим, изменившимся, но я не могу ничего понять. Я сажусь на корточки и

тогда только замечаю, что руки его связаны.

— Они тебя били?

Молчит.

Теперь я вижу на его голове выстреленную лесенку — от самого лба и до макушки».

Подобного рода сцен, сбнажающих отвратительную изнанку прохоренковского «эксперимента», в повести немало, и картину они создают довольно жуткую. Правда, автор, как бы предвидя недоумения со стороны читателя (неужели эти безобразия могли твориться безнаказанно, на глазах целого коллектива педагогов?), тут же делает ход конем. Он «выпускает» против Прохоренко молодую энергичную Марию Николаевну, которая, объединившись с несколькими опытными учителями, создает мощную оппозицию директору школы и его сторонникам.

Яблоком раздора между этими группировками выступает проблема: что важнее в педагогике — доброта или строгость, жалость или жестокость? Вопрос далеко не праздный, и, казалось бы, автору представилась отличная возможность исследовать интересную конфликтную ситуацию, коснуться многих серьезных педагогических проблем. Однако исследования-то как раз и не получилось. Разделив своих героев на два лагеря, С. Ласкин соответственно сообщил каждой притивоборствующей стороне строго определенные функции. Если Прохоренко и иже с ним ратуют за жестокость и суровость, то Мария Николаевна, наоборот, считает, что в «палитре» педагога должны быть только светлые и розовые краски и действовать он должен исключительно с помощью доброты, ласки, нежности. Не случайно и вся повесть тоже разделилась на два плана. На одном — жуткие, изуверские сцены, вроде приведенной выше. На другом — сентиментальные, слащавые эпизоды, как визит Марии Николаевны к Сереже Завьялову, либо совершенно «библейская» сцена раскаяния отпетого хулигана Шуккина, вмиг растаявшего от одного только прикосновения руки доброй учительницы. И так на протяжении всего повествования: контрасты, антитезы, противопоставления — как следствие бескомпромиссной борьбы, развернувшейся в стенах Болшевской школы. Причем, освещая все перипетии этой борьбы, С. Ласкин решительно становится на сторону Марии Николаевны и столь же решительно обрушивается всей мощью авторского негодования на Прохоренко. Обрушивается и (вряд ли стоит этому удивляться) теряет всякое чувство меры.

Есть, например, в повести такая сцена. Прохоренко везет на своем «Москвиче» председателя горисполкома Боброва; вместе с ними едет и Мария Николаевна. По дороге Бобров, который только что присутствовал на школьном пионерском сборе, высказывает свое несогласие со стилем работы Прохоренко, дает ему целый ряд советов; Мария Николаевна горячо поддерживает председателя горисполкома. Вскоре машина останавливается около горсовета. Бобров выходит, а вслед за ним Прохоренко ссаживает и Марию Николаевну: «Извините... но мне некогда отвезти вас домой»

(совсем как в одном из рассказов Зошенко, где герой, узнав, что сосватанная им девица — хромая, бесцеремонно сбрасывает ее с телеги вместе с сундучком приданым). И таких «компрометирующих» эпизодов в повести предостаточно. Прохоренко то собирает о Марии Николаевне грязные сплетни, то грубо, по-базарному оскорбляет ее, то предлагает разные мелкие услуги столичному журналисту Виктору Лаврову, с тем, чтобы последний написал очерк о «волшебском эксперименте»...

И не совсем понятно, почему, придав своему Прохоренко вначале вполне интеллектуальный профиль, С. Ласкин вдруг сделал его таким омерзительным, когда повернул к читателям анфас. С одной стороны, если судить по приведенным выше эпизодам из жизни Болшевской школы, директор этой школы есть не кто иной, как хам, самодур и карьерист. Но тот же Прохоренко знает труды Ушинского, Канта, Песталоцци, Павлова, Бехтерева, очень верно судит о многих нерешенных проблемах современной педагогики. «— Все дело в педагогах,— говорит он Виктору Лаврову,— в их подготовке и культуре, в умении проникнуть в мир ученика, как это умели делать Макаренко или Корчак. Добиться дружбы, доверия, полной откровенности ребенка, а тогда уже можно начать помогать ему укреплять веру в себя, определять его призвание. Соглашались, не так уж много учителей готовы к решению такой задачи, а ведь, если говорить откровенно, это проблема нашего будущего».

Пусть это всего лишь тезисы, декларация, однако же человека, высказывающего такие мысли, чинувшей и солдафоном никак не назовешь. Но вдохновенно рассуждая о том, как необходимо каждому учителю «глубокое знание физиологии и психологии ребенка, Прохоренко в то же время наносит страшную душевную травму Лене Семидоловой, учиняет на глазах у всей школы жестокую расправу над Левой Жуковым (после чего мальчик слег в постель), равнодушно воспринимает известие о попытке Сержи Завьялова покончить с собой. Так кто же он, директор школы Леонид Павлович Прохоренко? Сложная натура? Человек двух бездн? Отнюдь... Чтобы создать действительно сложный, противоречивый характер, нужны очень разнообразные и тонкие художественные приемы, очень чувствительные «приборы» для психологического исследования такого характера. Ничего подобного у С. Ласкина в его арсенале художественных средств мы не находим. Собственно, для создания характера Прохоренко, автор пользуется одним методом, одним испытанным приемом: ловит своего героя-подлеца с поличным и уличает в неблагоприятных поступках. Оттого и характер получается не столько сложным, сколько «сложенным» чисто механическим путем из противоположных черт и свойств.

Так же путем простого сложения создается и характер Марии Николаевны. Задавшись целью нарисовать образ педагога-ангела, воплощение доброты и милосердия, автор везде и всюду «подбрасывает» ей та-

кие испытания, преодолевая которые она, конечно же, все больше и больше возвышается в глазах читателя. А в соответствии с этим ее антипод Прохоренко все мельчает и мельчает. Одна чаша весов падает, другая стремительно поднимается ввысь. Все как будто закономерно, как и должно быть в «педагогической поэме», где добродетельные учителя всегда одерживают верх над проходимцами и подлецами. Только в данном случае в провгрыше оказывается не столько «отрицательный» Прохоренко, сколько сам автор. Почему? Да потому, что слишком уж рационально и расчетливо построена его повесть. Автор «Абсолютного слуха» в самом деле впал в некий абсолютизм, оставив своих героев как на баррикадах: с одной стороны — сама жестокость и казенщина, с другой — доброта и милосердие... И есть ли смысл доказывать тут, что в жизни, тем более в такой ее «тонкой» сфере, как воспитание и образование, все намного сложнее, запутаннее и — в конечном итоге — интереснее и значительнее.

Семья, школа или улица?

Все мы знаем, что становление характера, формирование личности происходит не только в стенах школы, осуществляется не только путем сидения за партой, писания диктантов и решения арифметических задач. Это поистине сложнейший процесс, включающий в себя множество не предусмотренных никакими методиками факторов и обстоятельств. Здесь и семейно-бытовая обстановка, и влияние улицы, и всякого рода неожиданности, от которых не застрахован ни один из смертных. Вот почему всегда с особым интересом читаешь те произведения, где предпринята попытка показать процесс воспитания во всей его многогранности, со всеми его непредвиденными осложнениями.

Сергей Заплавный взял для сюжета своей повести «Музыкальная зажималка» одну из типичнейших житейских ситуаций: мать-одиночка, запутавшаяся в своих сердечных делах, и ее безнадзорный сынишка. Безнадзорный в полном смысле слова, потому что Клавдия Ларикова работает официанткой вагона-ресторана и часто уезжает в длительные рейсы, оставляя своего девятилетнего Сережу одного в ветхом барачишке. Те же немногие дни, что выпадают между поездками, Клавдия уделяет не сыну, а Вове-речнику, своему последнему ухаю и последней своей бабуей надежде (Вова обещал жениться).

Дальнейшее развитие событий можно без труда предугадать; конечно же, маленький Сережа не найдет общего языка с тупым самовлюбленным «морячком»; конечно же, Клавдия будет метаться между сыном и любовником и при этом окончательно запутается и удалится от Сергея; конечно же, па помощь тут придут посторонние... Такими оказываются ученики восьмого класса Артем Михалев и Вера Суховойко. Случайно познакомившись с Сережей Лариковым ва улице, они узнают о всех его злоключе-

ниях и домашних неурядицах, в связи с чем возникают сцены, одна трогательнее другой. Вот Артем, обеспокоенный долгим отсутствием Сережи в школе, разыскивает домнишка Лариковых и видит: мальчик лежит один с высокой температурой, без сознания... Вот Артем и Вера ведут уже выздоровевшего Сережу в театр, и мальчик впервые в жизни смотрит настоящий спектакль...

Все это, скажем прямо, не бог весть как свежо и оригинально. И тем не менее судьба маленького героя С. Заплавного настолько затрагивает читателя, что автору прощаешь и эти сюжетные реминисценции, и некоторую опереточную условность в обрисовке отрицательных персонажей, и налет сентиментальности в ряде эпизодов. Прощаешь потому, что в центре повествования живое существо — маленький, всеми забытый человек, ставший «третьим лишним» даже в родном доме. Отнюдь не стремясь к нагнетанию «жалостливости», С. Заплавный сумел вызвать у читателя хорошее человеческое сострадание к судьбе своего героя. Да и сам Сережа Лариков у С. Заплавного хорош: он и дерзок, и отчаян, и задирист (при случае такое может сказать, что даже взрослые не знают, как ответить), и в то же время это слабый беззащитный человек, в глубине души остро переживающий свое одиночество, свою «неприкаянность», податели доверчивый и привязанный к тем, в ком видит истинных своих друзей. По-настоящему волнуется и трогает финал повести, когда на вопрос судьбы: «Хотел бы ты жить в школе-интернате, без мамы?» — Сережа, помолчав, говорит: «Не-а... Я бы лучше с Артемом. И с Верой...»

По этот финал рождает и определенное недоумение. Почему все же так получилось, что именно Артем и Вера, сами в сущности еще дети, поставили все на место: и к Сереже нашли подход, и от дурного влияния улицы его оградили, и даже беспутную его мамашу усовестили? И почему оказались бессильными что-либо предпринять здесь те взрослые, «наверняка умные и добрые люди», которым по роду своей деятельности надлежит заниматься такими делами?

Здесь, видимо, есть прямой смысл обратиться ко второму плану повести, ко второй ее сюжетной ветви, рассказывающей о школе, о взаимоотношениях детей и взрослых. Взаимоотношения эти, мягко говоря, довольно странны, поскольку старшие и младшие не имеют между собой решительно ничего общего, никаких точек соприкосновения. Дети — сами по себе, взрослые — сами по себе. Да это и неудивительно, потому что автор вменяет в обязанности своим взрослым героям лишь одну функцию — настаивать да поучать.

Возьмем, к примеру, учительницу русского языка Валентину Дмитриевну Михалеву, мать Артема. Она во всех отношениях «правильная» женщина — рассудительная, строгая, заботливая... и скудная. Ибо все сцены, где она появляется, ничего, кроме скуки и тоски, у читателя не вызывают. Настолько эти эпизоды «бездыханны», настолько бесспорно и безупречно все, что говорится устами Валентины Дмитриевны.

Еще более тягостное впечатление остается от знакомства с воспитательницей интерната Устиной Викторовой, единственным «официальным» наставником Сережи Ларикова. Этот персонаж настолько безлик и пуст, что непонятно, зачем вообще понадобилось вводить ее в повесть. Столь же безличен, «палкообразен» и отец Веры Элем Иванович...

Казалось бы, ничего страшного здесь нет, все эти «непрорисованные» фигуры можно просто отнестись к частным неудачам, от которых не застрахован ни один автор. Подумаешь, два-три образа получились бледнее остальных, велика ли беда. Велика, оказывается, потому что, как сказано в аннотации к «Музыкальной записке», автора «интересуют моральные проблемы современной молодежи, ответственность старших по возрасту людей перед младшими». Но вот эта «ответственность» старших перед младшими как раз и не раскрыта в повести. Не наделив взрослых героев живыми черточками, не придав им никакой самобытности, автор по сути дела лишил их права быть наставниками, воспитателями, учителями. Да и какие они наставники, эти горе-педагоги, когда они не удосужились даже сделать самой простой вещи: побывать у Сережи дома, поговорить с его матерью по душам. И какими умными, проникательными и находчивыми выглядят по сравнению с ними Артем и Вера, которые сразу поняли, что все несчастия и беды, свалившиеся на голову их подопечного, связаны с ненормальной обстановкой в семье. И не только поняли, но и сделали все возможное: и в доме Лариковых побывали, и даже до начальства Клавдии добрались... Одним словом, хотел того автор или не хотел, но он оказался невольным союзником В. Муссалитина, потому что в его повести тоже возникла «пропасть» между взрослыми и детьми и снова — пусть не столь навязчиво и прямолинейно — прозвучала мысль о плохой профессиональной подготовке наших педагогов, снова школа оказалась ни при чем, роль ее в воспитании свелась к минимуму.

Вообще, это нигилистическое отношение к школе, стремление (притом вполне сознательное стремление) принизить ее заслуги в деле воспитания стало одной из характернейших черт нынешней «педагогической» прозы. Не знаю, чем объяснить, но многие авторы просто не любят школы, и эта неприязнь особенно проявляется в обрисовке образов учителей. Порой складывается впечатление, что авторы переносятся в детство и вспоминают свои школьные годы с единственной целью — свести счеты с учителями, снова, как в былые времена, «пошкодить», порезвиться, потрепать нервы своим наставникам. Только теперь в их распоряжении не бумажные пульки, не голубки, сделанные из тетрадной обложки. Теперь они посылают в учителя «снаряды» куда тяжелее и опаснее.

Повесть Николая Никонова «Глагол несовершенного вида» («Урал», 1975, № 1) — произведение несомненно талантливое, интересно, остро ставящее многие проблемы воспитания. Вообще, в строгом смысле слова это даже не «педагогическая поэма». Ско-

рее ее надлежит причислить к произведениям о военном и послевоенном детстве, поскольку здесь налицо все признаки автобиографического сочинения: и воспоминания о тяжелых годах «тыловой» жизни; и описание разных уличных приключений героя-рассказчика и его друзей-сверстников — этих полуголодных полубеспризорных мальчишек, для которых порция мороженого и пачка «Казбека» — предел мечтаний; и живописно воссозданные подробности быта тех лет — толкучки, базарные задворки, подворотни, пустыри... Этот суровый военный и послевоенный быт в основном и «воспитывает» главного героя, четырнадцатилетнего подростка Толю Смирнова, шлифует, оттачивает его характер, превращая его постепенно из тихого, примерного «маленького сынка» в зубастого, ершистого парня, умеющего и постоять за себя, и дать сдачи, и даже при случае ловко обвести вокруг пальца самого взятятого хангу.

Однако, кроме улицы, кроме базаров и подворотен, где герой проходит главные свои «университеты», в повести показана и школа, также сыгравшая определенную роль в судьбе героя. Страницы, посвященные школе, интересны уже тем, что они повествуют об одном из любопытных и, увы, далеко не самых славных этапов нашего школьного образования. «Не знаю, почему тогдашнему министру просвещения пришла в голову мысль разобщить мальчиков и девочек в городах по разным школам». Этот «мудрый» акт буквально перевернул всю жизнь героя: мальчик оказался вырванным из привычного мирка; из стен своей маленькой двухэтажной школы, где все было таким уютным и родным, он вдруг попал в четырехэтажную мрачную казарму, кишашую «одними круглоголовыми» мальчишками. Парты в этой школе прыгали, на переменах висел гам и вой, по лестницам катился живой оружейный поток, а коридоры напоминали места народных волнений и муравьиные дорожки в самую страдную летнюю пору.

В классе с голыми окнами в сплошных квадратных переплетах мне сразу просекли лоб железной пулькой, потом я сел в чернильную лужу, старательно налитую кем-то в углубление скамьи, и в довершение, должно быть за испуганно-безобидный вид, мне присвоили кличку «Тихон».

Картина, что и говорить, малоотрадная, и поначалу вполне сочувствуешь герою, полностью разделяешь его антипатию, его неприязнь к «сорок пятой мужской» — одной из многочисленных средних школ, превращенных с легкой руки чиновников от просвещения в подобие бурсы... Но, как известно, человек обладает колоссальной способностью к адаптации, может даже в самых трудных условиях находить и радость, и отдохновение, и возможность работать над собой. Герой же Н. Никонова в новой школе так и не прижился. Наоборот, неприязнь его все усиливается, отвращение все растет. В соответствии с чем в повести все более усиливаются сатирические нотки, все мрачнее становятся краски, когда автор рассказывает о пребывании героя в стенах «сорок пятой мужской», о ее быте и нравах.

Но ведь, очевидно, были в стенах школы и те, кто по роду своей деятельности должен был как-то исправлять эти «ненормальности», выпрямлять детские души, сея в них доброе, светлое, разумное. Но... оказывается, учителя «сорок пятой мужской» недалеко ушли от своих учеников и по уму, и по образованности, и по стилю поведения. Вот одна из типичных фигур «сорок пятой мужской» — военрук, который «был одновременно учителем пения и еще учителем физкультуры. Не могу не вспомнить странные уроки, когда он выводил нас за школу, распускал, и мы бегали, боролись, гоняли какой-нибудь отопок за неимением мяча. Военрук курил в стороне, глядел жесткими ястребиными глазами, они у него остро желтели, не мигали. Потом заворачивал рукава, смотрел на часы, долго смотрел и, наконец, пустив слюни в окурки, давил его сапогом, жестко морщился, как полководец, проигравший битву, сурово и тихо бросал: «Настрашиться!» Кое-как мы строились, сбивчиво шагая, шли в школу. Военрук шел позади, изредка покрикивая: «В-зять иногу-у! А ррыс... а ррыс, а ррыс-два, три-и, а ррыс-два-три...»

Никто не спорит, война образовала брешь в системе просвещения, и затыкать эту брешь нередко приходилось такими вот горе-педагогами вроде военрука. Но ведь это была трагедия, ведь отсутствие квалифицированных педагогических кадров в сороковые годы — тоже одна из ран, нанесенных стране войной. И тут совершенно непонятно то злорадство, с каким автор рассказывает о педагогических казусах в стенах «сорок пятой мужской», то прямо-таки патологическое удовольствие, какое он испытывает, выставляя напоказ глупость и невежество учителя.

Но, быть может, это только в «сорок пятой мужской» подобались такие «кадры»? Оказывается, нет. Однажды группа ребят из сорок пятой отправилась в соседнюю женскую школу, чтобы пригласить на праздничный вечер девочек. С юмором описывается, как «послы», робей и млея, переступают порог таинственной «женской средней», где «на окнах цветы, в коридорах пальмы. Стенгазеты без единой помарочки! Благообразная техничка вяжет носок, сидя в кресле у звонка (наша Сима орет на нас, как на арстантов, замахиывается шваброй)... Здесь и воздух-то был другой, пахло не туалетом и табаком, а немножко духами, немножко вымытым полом, немножко женской одеждой».

Но вот ребята оказываются в кабинете директорши, и сразу добрый мягкий юмор переходит в злую сатиру: «Директор женской школы была необъятная женщина, похожая на одесскую торговку рыбой. Она была так черна, тучна, щекаста, с такими подбородками, что мы ошеломленно молчали, не в силах выговорить слова перед этим китом, занимающим почти весь узенький директорский кабинет. Я и сейчас не могу понять, как она оказалась там, за письменным столом, разве что перелезала через стол сверху».

Наконец, директорша-кит пришла к нам

на помощь. Она улыбунулась, отчего лицо ее разъехалось еще вдвое шире, а в китовом рту вспыхнула золотая иллюминация, и сказала лошадиным голосом:

— Ну я же вас давно жду, мальчики. Вы, конечно, пришли приглашать? Да-да... Ну, словом... Идите. Идите на второй этаж... Там старшие классы. Идите и приглашайте. Идите, мальчики».

Смешно, конечно, но, как поется в песне, «за что же Ваньку-то Морозова?» Тут уж рассказчик явно переборщил... и выдал себя. Тут становится ясно, что не любит он не только родную «сорок пятую», не только своих педагогов-невежд, но вообще все учительское сословие. Иначе чем объяснить тот факт, что каждый учитель, попадающий в поле его зрения, становится мишенью для сатирических упражнений, что в каждом педагоге он непременно ищет что-либо смешное, нелепое, уродливое?

Постепенно на фоне этих сатирических зарисовок «вырисовывается» и вполне определенная мысль, четко обозначающая позицию и героя, и автора. А позиция эта такова: никола, по мнению героя Н. Никонова, ничего не дала ни ему лично, ни его сверстникам. Не случайно Толя Смирнов везде подчеркивает, что он «сам» и воспитан, и образовал себя.

Однако с этими убеждениями героя никак не вяжется финал повести, где описана встреча героя через много лет с одноклассником Мартыновым. Из разговора выясняется: почти все знакомые героя по школе стали настоящими людьми, и какими людьми! Один — директор крупнейшего в стране завода, другой — доктор наук, третий — подполковник, четвертый — декан университета... И все они оттуда, из той самой «сорок пятой мужской», где не было ни одного толкового учителя, ни одного удачного урока. Но кто же тогда, спрашивается, воспитал этих ребят, дал им основы знаний, дал путевку в большую жизнь? Или они тоже сами себя образовали и воспитали? Но в таком случае, что это за феномен «сорок пятая мужская», где собралось столько самородков?

Но весь парадокс заключается в том, что финал повести заставляет вдруг нас проникнуться чувством гордости и уважения как ко всей нашей школе вообще, так и к злосчастной «сорок пятой мужской» в частности. В самом деле, насколько все же прочны и незыблемы основания, на которых стоит наша советская школа, если, несмотря на трудности послевоенных лет, острую нехватку учителей, оборудования, учебных пособий, несмотря ни на какие головоупяские реформы, она мужественно и честно выполняла свое главное предназначение — выпускала из стен своих настоящих людей. Так сама действительность опровергла нигилистическую «концепцию» героя Н. Никонова, сами факты жизни показали, сколь сомнителен и скользок этот путь критиканства и разоблачительства, на который становятся иные авторы «педагогических поэм».

Много добрых слов в критике было сказано по поводу произведений Альберта Ли-

ханова, объединенных в книгу «Семейные обстоятельства» (Москва, «Молодая гвардия», 1974). И произведения эти — две повести и роман — вполне заслуживают лестных оценок. А. Лиханов — писатель, давно и плодотворно работающий в детской литературе. Герои большинства его книг — мальчишки и девчонки так называемого переходного возраста, народ бойкий, непоседливый, озорной, но уже задумывающийся над многими «взрослыми» вопросами. Каждый из них — уже вполне самостоятельная личность со своим складом ума, со своим отношением к окружающему, со своими запросами и требованиями.

Таков Михаська («Чистые камушки») — двенадцатилетний максималист, в котором чувство чести и справедливости укоренилось настолько прочно, что мальчик пошел даже на разрыв с отцом, занявшимся после возвращения с фронта спекуляцией. Таков Толик из романа «Лабиринт» — самый маленький член семьи Бобровых, но оказавшийся в ней самым главным, потому что именно благодаря стараниям этого чуткого, впечатлительного, умного мальчика его родители сумели разобраться в своих неурядицах и снова найти друг друга. Таков и Сережа Воробьев («Обман») — самая, пожалуй, трагическая фигура среди подростков Лиханова: этот мальчик перенес тяжелую утрату — смерть матери, но нашел в себе силы выжить, выстоять...

Одним словом, все, что пишет А. Лиханов о подростках, — все это убедительно, интересно, психологически достоверно и поучительно в самом добром смысле слова. Но с чем решительно нельзя согласиться в произведениях А. Лиханова — так это с его резкими выпадами против учительства, с его тенденцией везде и всюду противопоставлять добрым, чистым, честным детям черствых, бездушных теток и дядек с дипломами педагогов. Даже сама манера письма у А. Лиханова резко меняется, когда он вместе со своими героями переступает школьный порог: из неторопливого, вдумчивого повествователя он разом превращается в пасквильанта и карикатуриста.

«...Класс. Зеленые стены. Учительница возле доски ходит. Вероника Макаровна по прозвищу Литература.

Лет Веронике Макаровне много, но она всегда на высоких каблуках ходит. А чоти тонкие и, наверное, слабые, поэтому на каблуках она пошатывается. Как на коньках, если плохо катаешься. Чулки при высоких каблуках Литература носит простые, ученические, в резинку, но они всегда перекручены.

— Ну, кто ответит? — спрашивает Вероника Макаровна и подслеповато щурится: она близорукая, так что тем, кто на задних партах, может повезти, — издалека лиц не разглядит, а фамилию — кто там сидит — не сразу вспомнит...

— Ну, кто ответит? — повторяет Вероника Макаровна.

Сережа видит, как Понтя, сосед его, руку тянет...

— Отвечай! — говорит Понте Вероника Макаровна.

— В повести Пушкина «Капитанская дочка», — говорит Сережин сосед, — есть два типичных представителя своих обществ.

— Гринев — от «Динамо», Пугачев — от ЦСКА, — говорит кто-то в классе, по партам прокатывается смехок.

Вероника Макаровна стучит ручкой по столу.

Всего одна сценка — и читателю уже ясно: учительница глупа, невежественна, не имеет никакого авторитета среди учеников. Плюс к этому, как выясняется в дальнейшем, Вероника Макаровна еще и способна на подлость. Когда у Сережи умерла мама, Вероника Макаровна не только не поддержала мальчика в беде, а, наоборот, приняла участие в грязной махинации, в результате которой у Сережи и его бабушки отобрали половину жилплощади.

Но сколь ни гнусна, ни жестокосердна Вероника Макаровна, а ей ой как далеко до другой словесницы, Изольды Павловны («Лабиринт»). Эта уж воистину садистка, у которой нет ни жалости, ни сострадания к своим маленьким подопечным, да и вообще ничего человеческого нет. Кульминационным пунктом школьных глав романа является сцена, когда Изольда Павловна оставляет без обеда весь класс, с тем чтобы заставить ребят сознаться в «преступлении»: кто-то во время перемены тайком стер с доски примеры деэпричастий. И вот из-за этих злосчастных деэпричастий дети стоят на ногах час, второй, третий, голодные, измученные. А Изольда Павловна выводит из класса свою дочь и в учительской потчует ее пирожками...

Вот так «смело и беспошадно» разоблачает А. Лиханов этих жестоких, черствых учителей.

Во всей трилогии А. Лиханова нет ни одного положительного учителя (кроме ходоульно-слащавой Юлии Николаевны из «Чистых камушков»). Собственно делом воспитания у А. Лиханова занимаются все, кто угодно, только не педагоги. Любой, случайно встретившийся юному герою А. Лиханова прохожий — милиционер, летчик, сторож, почтальон — обязательно во всех отношениях лучше, мудрее, честнее, тактичнее, нежели учитель. В итоге, прочитав книгу А. Лиханова «Семейные обстоятельства», делаешь неожиданное открытие. Оказывается, вовсе не школа, не учителя воспитывают наше подрастающее поколение, а разного рода «педагоги с улицы», добрые дяди и тети, точно волшебники, приходящие к ребятам в трудную минуту. Только, слава богу, все это есть чистой воды фантазия автора, его вымыслы и домыслы.

Случилась там жуткая драма...

Итак, учитель-невежда, учитель-самодур — вот традиционная фигура многих современных «педагогических поэм». Но, быть может, довольно срамить представителей самой благородной профессии, довольно представлять их на посмешище?

Похоже, к такому именно выводу при-

шел писатель Михаил Коршунов, пришел и... вывел в своем романе «Подростки» («Москва», 1974, № 9) еще одну «разновидность» — педагог-преступник.

Мастер производственного обучения железнодорожного ПТУ Виктор Скудатын был авторитетным, умелым наставником будущих рабочих. Его группа всегда держала первое место в училище; Виктор умел и найти подход к ребятам, и передать им необходимые профессиональные навыки, и огрadyть их от всяческих дурных влияний; он перевоспитывал даже бывших хулиганов и бандитов — «экземпляры», которые хоть и изредка, но все же попадали в училище. Как вдруг Скудатын оступился и стремительно покотился вниз. Встретил избалованную красавицу Ирину и забыл о ребятах, об училище, о чести-совести. Стал подрабатывать на стороне (красавица-жена требовала все новых нарядов), совершил подлог, а вслед за тем и страшное преступление. Во время рейса Виктор, соблазнившись возможностью сэкономить побольше электроэнергии, нарушил технику безопасности и стал виновником гибели своего ученика Тося Вандышева. Кульминацией романа является такая сцена: убитого током Тосю везут на электровозе, поручни которого «обмотаны черной траурной лентой», а по лесу, «разбрызгивая воду, напролом через кусты», бежит обезумевший Виктор Скудатын...

Правда, вполне отдавая себе отчет, что мастер-убийца — фигура, мягко говоря, нетипичная, М. Коршунов противопоставляет Виктору Скудатыну целый «легион» положительных преподавателей. Легион не легион, но взвод наверняка наберется. Здесь и директор училища Юрий Матвеевич Рогов, и его заместитель по производственному обучению Анциферов, и еще один заместитель — по учебно-воспитательной работе — Жихарев, и зауч по общеобразовательным предметам Марина Осиповна Дугинцова, и старший мастер Клименко, и старейший преподаватель училища Евгений Константинович Воротников, и «эстетик» Эра Васильевна, к которой «на занятия приходили даже мастера и свободные от уроков преподаватели, чтобы снять усталость, перезести дыхание, и еще два чудо-педагога — математик Рузанна Алексеевна и физик Нина Михайловна, демонстрирующие на своих уроках «высший пилотаж», способные самых отпетых двоечников превратить в хорошистов и отличников... Список, что и говорить, внушительный: чувствуется, учебно-воспитательная работа в железнодорожном ПТУ на уровне, подготовка молодых рабочих осуществляется толково и квалифицированно. Но, да простят мне еще одно чисто «армейское» сравнение: перед нами не галерея образов, а именно выстроенная шеренга. И, как во всякой шеренге, лиц, индивидуальностей мы не различаем: автор успевает лишь на скорую руку, в чисто репортажном стиле, сообщить о каждом педагоге самые общие сведения. Например, о Рузанне Алексеевне: «Ввела дифференцированный метод: давала отдельные задачи

и примеры для сильных, средних и слабых. Занималась одновременно, никого не выпуская из вида. Делала это стремительно и красиво. Три урока в течение одного урока и как бы с тремя разными группами». Или об Эре Васильевне: «Как она легко и быстро прижилась в училище. И, казалось бы, с таким непривычным для технического училища предметом. Не хотели включать в постоянную программу. Думали — временно. Факультативно. Вроде кружка по искусству. Но Эра Васильевна победила, доказала свою правоту...»

Такая же беглость, перечислительность сказалась и в обрисовке главных героев — подростков. Они тоже ухвачены автором «за один бок», помечены какой-то одной определенной чертой. Лучковский — «танцовщик-виртуоз» и «филон». Шмелев — «величайший насмешник в училище» и лучший «крышевик», Виталий Ефимочкин — «провинантмейстер» и хранитель финансов», Федя Балин — «генератор идей», прирожденный математик и т. д. и т. п.

Роман «Подростки» тем более вызывает досаду и неудовлетворенность, что автор взялся осветить один из важнейших участков нашего народного образования. Казалось бы, М. Коршунов напал на «золотую жилу», ибо не так уж часто писатели обращаются к теме воспитания рабочей смены, к показу жизни учащихся профтехучилища («Звездочка» И. Василенко, «Малышок» И. Ликтанова, вот, пожалуй, и все наиболее значительное, что мы имеем сегодня по данной теме). А между тем система профессионально-технического образования — совершенно особый участок, интересный уже тем, что здесь, на практике, притом на очень короткой учебно-воспитательной «дистанции», осуществляется один из важнейших принципов коммунистического воспитания — соединение учебы с производительным трудом. Не случайно партия и правительство уделяют сейчас самое пристальное внимание подготовке рабочей смены, и результаты этой заботы налицо: давно ушли в прошлое старые «ремеслухи» с их полукустарными мастерскими и староредовскими методами обучения. Вместо них созданы учебные заведения нового типа. Нынешние ПТУ — настоящее детище эпохи НТР, оборудованное по последнему слову техники, укомплектованное квалифицированными педагогическими кадрами.

Одно из таких училищ и попытался показать в своем романе М. Коршунов. Роман начинается так:

«Включилась камера внутриучилищного телевидения, и голос директора Юрия Матвеевича громко прозвучал в лаборатории электровозов:

— Евгений Константинович, у нас гости из депо Москва-Сортировочная. Позвольте посмотреть ваш урок».

Почти как в фантастическом романе. Но самое удивительное, что перед нами не какая-то чудо-школа из далекого будущего, а обычное, рядовое профтехучилище, каких уже сотни. И автор, не скрывая своего восхищения, подробно описывает, какие есть еще чудеса техники в этом обыкновенном

железнодорожном ПТУ. А тут действительно чего только нет! И модели скоростных тепловозов и электровозов, сконструированные самими учащимися, и особое приспособление, которое безотказно поднимает в заданное время нужный пантограф (тоже плод технического творчества учащихся), и огромный электрифицированный стенд, где отмечены все железные дороги страны...

Но вот мы уже более или менее с училищем познакомились, убедились, что здесь всюду царит дух творчества, что из стен этого учебного заведения выходят всесторонне развитые, влюбленные в свою профессию ребята. Уже пора бы и копнуть поглубже, показать, как именно мастера и преподаватели добиваются таких результатов, с какими трудностями сталкиваются, что их тревожит, не удовлетворяет, как, наконец, складываются их взаимоотношения с учащимися. Ведь даже при беглом знакомстве с ПТУ видишь: в учебном заведении такого типа масса специфических проблем и трудностей, возникающих именно на стыке общеобразовательной подготовки и производственного обучения.

Однако М. Коршунов вместо того, чтобы идти вглубь, продолжает идти вширь, ищет все новые и новые сенсации в этом удивительном ПТУ. Причем автор явно работает «под Хейли», стремясь непременно показать все участки и службы училища, начиная от учебных лабораторий и производственных мастерских и кончая библиотекой. Данью А. Хейли сказывается и полудетективная история гибели Тоси Вандышева, история, хоть и поучительная, но явно «недеспособная», чтобы стать идейно-художественным центром романа, тем более поводом для исследования серьезных нравственно-этических проблем.

Совершенствовать человеческую сущность

Окарикатуривание, высмеивание, обличение учителей—тенденция, которую вряд ли стоит поощрять. Хотя бы потому, что все «педагогические поэмы», кроме своего чисто художественного, литературного назначения, имеют также назначение воспитательное. А велик ли воспитательный эффект от произведения, где учитель выведен в самом неприглядном виде, где явно либо подспудно проводится весьма сомнительная идея о неискоренимом «антагонизме» между учителями и учениками?.. И все-таки это «развенчание» учительства, эту резкую критику в адрес современной школы я не склонен рассматривать только как прихоть шаловливой музы, только как произвол со стороны отдельных авторов. Что-то, видимо, меняется и существенно меняется в нашей жизни, если мы столь придирчиво и строго начинаем спрашивать за людей, отвечающих за воспитание подрастающего поколения. Это «что-то» расшифровать нетрудно — резко повысился общеобразовательный уровень нашего общества, наступил век всеобщей грамотности. Учитель, как источник

света, как носитель знаний, ныне перестал быть тем уникальным явлением, каковым он был лет сорок-пятьдесят назад, а тем более до революции.

«Ее родная деревня, — читаем мы в одной из «педагогических поэм», — холщовая и лапотная, имела до революции только двух грамотеев — бывшего волостного писаря, который требовал от мужиков, чтоб его называли барином, и спившегося дьячка-расстригу. Даже местный богатей Панкрат Кузовлев, крупно торговавший льном и кожами, не умел расписываться в казенных бумагах.

В начале двадцатых годов в деревню прислали учителя, бойкого парнишку с покалеченной на польском фронте рукой. Он принял не только за детишек, но и за взрослых, вошло в уличный быт новое слово «ликбез».

Действительно, до революции, и даже в 20—30 годы, учитель был живым культурным центром села, чуть ли не единственным источником знаний, и пользовался непререкаемым авторитетом (вот где корни того почтения и уважения, каким был окружен учитель в старое время и на отсутствие которого так сетуют сейчас многие). Если раньше перед учителем за версту снимали шапку, то это была дань уважения, не столько личности учителя, сколько его званию, его «сану». Сейчас такого преклонения перед учителем нет и, славу богу, что нет. Слава богу, что на учителя не взирают как на пришельца с того света, не замирают в благоговении перед ним. Слово «учитель» утратило свой магический смысл, и на самого учителя смотрят теперь просто как на исполнителя определенных функций. И как со всякого работника, отвечающего за «свой» участок, с него и требуют, не делая никаких скидок, не давая никаких поблажек. Думаю, все это в какой-то степени и объясняет, и даже оправдывает резкую критику, раздающуюся в адрес учителей и школы со страниц современных «педагогических поэм». Однако есть здесь и другая сторона вопроса. А именно та, что многие учителя сами прекрасно понимают, насколько повысились требования, предъявленные к ним как к педагогам; сами осознают, что для утверждения своего авторитета им нужно куда больше знаний, профессионального мастерства, духовных затрат, нежели их коллеги 20—30-х годов. И не только осознают, но и ищут новые пути и средства для выполнения задач, возложенных на них обществом, думают, дерзают, экспериментируют.

«— Дадим себе отчет: о чем мы сейчас мечтаем? Только о том, чтоб лучше готовить учеников? Нет! Готовить лучших людей! Мечтаем усовершенствовать человеческую сущность. А об этом мечтали с незапамятных времен. Можно сказать, мечта рода людского...»

Так говорит один из героев повести Владимира Тендрякова «Ночь после выпуска» («Новый мир», 1974, № 9).

Вот на этой повести мне хотелось бы задержаться дольше других, выделить ее особо из потока произведений, посвященных

школе и проблемам воспитания. Выделить потому, что здесь есть и современная школа, и поставлены серьезные педагогические и нравственные проблемы.

Многим читателям и критикам повесть В. Тендрякова показалась необычной. И она действительно весьма необычна, нетрадиционна для нашей «педагогической» прозы. Во-первых, в «Ночи после выпуска» нет этого назойливого противопоставления учителей и учеников, нет этой пресловутой «пропасти» между старшими и младшими. Автор в одинаковой степени уважительно относится и к учителям, и к ученикам, внимательно вслушивается в их разговоры, стремится узнать, о чем они думают, как оценивают себя, школу, товарищей.

Необычна эта повесть еще и тем, что в ней явно преобладает рационалистическое начало. На протяжении всех ее глав герои в основном говорят, произносят монологи и ведут спор между собой. В действии, «в деле» они показаны мало, и это приводит к известной однобокости, условности в описании характеров персонажей. Собственно, если подходить строго, характеров как таковых в повести В. Тендрякова нет — есть лишь беглые наброски, эскизы к образам. Допустим, все герои-учителя не кто иные, как носители определенной идеи, сторонники того или иного направления в педагогике. Учительница литературы Зоя Владимировна — сторонница добрых, старых школьных традиций; заучу Ольга Олеговна — наоборот, ниспровергатель всего старого и отжившего; математик Иннокентий Сергеевич — сторонник тесного союза техники и педагогики; директор школы Иван Игнатьевич — сторонник «разумного консерватизма» в педагогике и т. д. Столь же четко распределены роли и среди представителей молодого поколения: «отличница» Юлечка Студенцева, «художник» Игорь Проухов, «красавец-силач» Генка Голиков, «толстуха» Вера Жерих, «рубаха-парень» Сократ Онучин...

Казалось бы, все основания, чтобы обвинить автора в недостаточной разработке характера, в неумении показать героев в развитии, сообщить им многосторонность мыслей и ощущений. И многие критики и читатели именно в этом прежде всего и упрекали В. Тендрякова. Приведу высказывания некоторых участников обсуждения «Ночи после выпуска», организованного журналом «Литературное обозрение» (1975, № 1): «...изображение учителей мне не понравилось. Я бы хотела, чтобы меня правильно поняли. Я не защищаю «честь мундира». Но, право, в учительской люди собрались неинтересные... даже «передовая» Ольга Олеговна — как она однопланова, как неинтересна...» (Р. Бескина). «Досадно... что, как и в некоторых других книгах, учительская блещет серым фоном, и никаким другим. Ольга Олеговна, которая претендует на значительность, тоже незначительна и ничего выдвинуть в противовес тому, что говорят другие, не в состоянии» (В. Вайнберг). «Мне показалось, что в изображении подростков как раз нет... неоднозначности, сложности. Психологически не

оправдано то прямо-таки сладострастное наслаждение, с которым эти юноши и девушки унижают друг друга» (М. Черкезова).

Претензии вроде бы вполне аргументированные. Но тут невольно приходит мысль: неужели критики полагают, что такой мастер, как В. Тендряков, давший целую галерею великолепных характеров (достаточно вспомнить Ряшкина из «Не ко двору», Мансурова из «Тугого узла», Евлампия Лыкова из «Кончины»), не смог на сей раз нарисовать образы, достойные его предшествующих созданий? Неужто у него не хватало художественного «пороху»?.. А быть может, дело обстоит проще: В. Тендряков намерено лишает своих героев «многосторонности», с тем, чтобы главное внимание сосредоточить не на характере персонажа, а на его функции, на его идейной роли в разрешении поставленных проблем. Кстати, отдельные критики, принимавшие участие в упомянутой выше дискуссии, именно так и поняли повесть В. Тендрякова. «...по-моему, — пишет, в частности, В. Оботуров, — писатель имеет право исследовать само явление, а не характер. Можно предположить, что новая повесть Тендрякова именно так и задумывалась, и писалась...»

Действительно, в известном смысле повесть «Ночь после выпуска» носит экспериментальный характер. Автор, нарочито упрощая, «огрубляя» своих героев, тем самым переносит центр тяжести не на личности их, а на их споры, провоцирует нас, побуждает тоже принять участие в дискуссии, развернувшейся в учительской во время выпускного бала. И чем внимательнее вслушиваешься в голоса спорящих, тем все больше проникаешься к ним симпатией, тем все больший они вызывают интерес. Ибо у тендряковских учителей есть одно свойство, которое начисто отсутствует у многих их коллег-героев современных «педагогических поэм». Свойство это — способность самостоятельно думать, серьезно размышлять над самыми острыми и важными вопросами школьного образования. Вот послушаем хотя бы, как ратует за коренную перестройку всей методики школьного образования математик Иннокентий Сергеевич: «Будем исходить из существующего ремесленничества — миллионы учителей по стране преподают одни и те же знания по математике, по физике, по прочим своим наукам. Одни и те же, но каждый своими силами, на свой лад. Как в старину от умения отдельного кустаря-сапожника зависело качество сапог, так теперь от учителя зависит качество знаний, получаемых учеником. Попадет ученик к толковому преподавателю — повезло, попадет к бестолковому — выскочит из школы неудачкой. Вдуматься — лотерея. А не лучше ли из этих миллионов отобрать самых умных, самых талантливых и зафиксировать их преподавание хотя бы на киноленте. Тогда исчезнет для ученика опасность попасть к плохому учителю, все получают знания по одному высокому стандарту...»

Но, вероятно, повесть «Ночь после вы-

пуска» немногого бы стоила, если бы состояла из одних дискуссий и словопрений, если бы автор не ввел в повествование еще и другую сюжетную линию — ученическую. Пока кипели страсти в учительской, трое юношей и три девушки удалились на берег реки и открыли тут свой диспут. Кто-то подал идею: сказать в этот последний вечер все, что каждый думает о другом. Идея показалась заманчивой, и ребята начинают поочередно «обличать» один другого, сначала шутливо и безобидно, потом все злее и беспощаднее. И тут выясняется: у каждого из этих «благополучных» выпускников есть в душе червоточинка, что-то низменное, недостойное. Стоило лишь «больно укусить» Генку Голикова, как этот добродушный силач, любимец своей мамы и всего поселка, вмиг превращается в озлобленного «подпольного» человека, не останавливающегося даже перед тем, чтобы оскорбить любимую девушку. Слово «подпольный», думаю, здесь вполне уместно, ибо, как справедливо заметил критик В. Гусев, «Владимир Тендряков в «Ночи после выпуска» поставил себе задачу, которая по силам, пожалуй, лишь Достоевскому. Кстати, автор и в плане традиции явно ориентируется на «реализм в высшем смысле» великого испытателя человечества на истину и жестокость». Однако, как пишет далее В. Гусев, «многое не выходит у Тендрякова: груз тяжел. Где требуется пронзительность и точность психологизмов — провалы и бледные пятна; где сам Достоевский был бы «коряв», как корява естественность жизни, Тендряков просто коряв; где требуется глубина, вдруг является наивность...»

Думаю, критик для оценки данного произведения избрал слишком уж большой аршин. Конечно же, определенные натяжки и издержки в повести В. Тендрякова есть. Однако упрекать писателя в том, будто он взвалил на себя непосильную тяжесть, неверно. Ибо задача у Тендрякова была как раз ему вполне по силам: показать, как чисто условные, выращенные в «тепличной» школьной обстановке характеры превращаются в личности. Причем писатель показывает не законченный процесс, а именно этот толчок, это первое побуждение, когда человек созрел и готов перейти в новое качество. В самом деле, тот факт, что ученики вышли из стен такими «одноплановыми», условными, в большей степени объясняется влиянием школы, учителей, которые в течение долгих лет развивали, культивировали в них какие-то определенные черты. Наглядным примером, образцом такого «планового» воспитания является Юлечка Студенцева. Все десять лет из Юлечки делали отличницу, усиленно опекали ее, холили, лелеяли. Но когда Юлечка получила все предназначенные ей школой блага, об-

завелась всеми теми качествами, которые ей прививались за партией, оказалось — из школы выходит существо обезличенное, беспомощное, не знающее, что дальше делать, как жить. И хорошо, что Юлечка сама это осознала и решительно взбунтовалась, сказав во всеуслышание на выпускном вечере, что она не знает, куда ей идти... «Школа заставляла меня знать все, кроме одного, — что мне нравится, что я люблю... Школа требовала пятерок, я слушалась и... и не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось — ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и... школы. И тысячи дорог — и все одинаковы, все безразличны... И благо, что «бунт» Юлечки Студенцевой послужил хорошим уроком для самих учителей, которые осознали, насколько это важно — видеть в каждом своем ученике будущего гражданина, личность. И всемерно способствовать формированию такой личности, выполняя тем самым главную заповедь педагогики — непрерывно совершенствовать «человеческую сущность».

Внимательный читатель, познакомявшись с этими заметками, вполне возможно, найдет в них определенное противоречие. С одной стороны, критик осуждает писателей за их неприязнь к школе и учителей, а с другой — понимает этот «нигилизм», объясняет его существенными переменами, происшедшими как в жизни, так и в самой системе образования. Где же, спрашивается, логика?.. Что ж, противоречие тут действительно есть, но противоречие это исходит от «первоисточника», от самого предмета нашего разговора. В педагогике, говоря словами Л. Н. Толстого, действительно сейчас все переворотилось и только начинает укладываться. Но с какими бы трудностями и сложностями в сфере воспитания мы ни встречались, мы всегда должны проявлять здесь особую осторожность и максимальную заинтересованность. Я потому и задержался несколько дольше на повести В. Тендрякова, чтобы показать, насколько необходимо писателю, берущемуся за проблему воспитания, быть именно заинтересованным и доброжелательным. Ведь так называемая «педагогическая» проза, как никакая другая, требует мыслей, раздумий, обобщений. И настоящий успех сопутствует лишь тому автору, который берется за перо не в порыве ярости, не одержимый стремлением разоблачать и обличать, а вдохновенный истинно гуманной целью — разобраться во всех сложностях и тонкостях нашей школьной жизни.

Вот почему точно так же, как мы говорим: «Осторожно — дети!», следует всегда повторять: «Осторожно — тема воспитания!»